

Акад. В. В. Струве

ВОССТАНИЕ В МАРГИАНЕ ПРИ ДАРИИ I

Установление на основании эламских клинописных табличек архивов Персеполя подлинной последовательности месяцев древнего персидского календаря обогатило наше знание хронологического костяка истории народов СССР древнейшей из точно определенных дат. Это дата восстания, вспыхнувшего против Дария I в оазисе Мары. Его начало засвидетельствовано в столб. II, 6—8 большой Бехистунской надписи: «Когда я в Вавилонии был, эти страны от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Сирия, Египет, Парфия, Маргиана (Мары), Сатагидия, страна саков».

Поскольку мятеж в Эламе и в Вавилонии разгорелся через несколько дней после 29 сентября 522 г., момента убиения мага Гауматы, то и восстание в Маргиане началось вскоре после вступления Дария на престол Камбиса. *Terminus ante quem* восстания в большом оазисе Туркменистана дается в строках 18—19 III столбца знаменитой надписи. Здесь определяется момент конца восстания или, вернее, решающего поражения, нанесенного мятежникам, не только месяцем, но и днем, а именно 23 днем месяца атриядия, т. е. 10 декабря 522 г. Дата 10 декабря 522 г. являлась вместе с тем первой из знаменательных дат столь богатого событиями первого года царствования Дария I. Действительно, в столь близкой западному Ирану Вавилонии войска самого Дария одержали свою первую победу лишь 26 атриядия, т. е. 13 декабря 522 г., следовательно, через 3 дня после победы персидских войск в Маргиане, отрезанной от западного Ирана громадным пространством. Правда, победа 10 декабря 522 г. еще не означала полного замирения Маргианы, так как вождь мятежников, некий Фрада, не был пленен в результате битвы. Он, как мы увидим ниже, был захвачен врагами значительно позже. В данный же момент нас интересует установление причин, обусловивших быстроту, с которой был нанесен сокрушительный удар мятежному населению далекого восточного оазиса.

Одной из причин, вызвавших столь быстрые и решительные мероприятия против отпавшей Маргианы, являлось, несомненно, то большое значение, которое имел оазис для хозяйства среднеазиатских областей державы Ахеменидов. Недаром Страбон называет Маргиану вместе с Арией (Арейей)¹ наиболее важными областями Северной Азии (С т р а б о н,

¹ Харайва древнеперсидских надписей, современный Герат, см. А. А. Фрейман, Древнеперсидские клинообразные надписи, «Восток», I, примеч. 6, стр. 3.

XI, 10). Окруженная пустынями долина оазиса орошается рекою Маргос, современным Мюргабом. Страбон рассказывает о том, что Антиох Сотер был поражен плодородием оазиса и окружил его в целях защиты стеной длиной в 1500 стадий, т. е. примерно в 250 километров¹. Земля Маргианы в особенности пригодна, замечает Стр а б о н, для виноградников. Он передает баснословный рассказ о том, что здесь встречались виноградные лозы, ствол которых с трудом могли охватить двое мужчин, и что гроздь их достигала длины в 2 локтя (XI, 10,2; ср. II, 1, 14). Богатство виноградом является для древней литературы наиболее ярким примером плодородия какой-либо области. Вспомним, например, что и египтянин Синухет подчеркивает обилие вина в описании богатств переданной ему во владение сирийской области Иаа, «в которой были фиговые и виноград, вина больше, чем воды, большое изобилие меда, множество маслин и всяких плодов на деревьях. Были там и пшеница, ячмень, и различного скота бесчисленное множество»².

Надо полагать, что ярким описанием небывалой мощи виноградных лоз оазиса и замечательной величины виноградных кистей Страбон стремился подкрепить свое положение о чрезвычайном плодородии оазиса. Поэтому он и не отягчает своего краткого описания Маргианы перечнем богатств ее земледелия и скотоводства. Описание Страбона настолько лапидарно, что он не отмечает наряду с плодородием ее почвы и богатство недр ее, которое также было замечательным. По крайней мере, Плутарх указывал, что сверкающее железо парфянских шлемов и панцирей, смутившее римские легионы Красса, было добыто в Маргиане (П л у т а р х, Красс, 24).

Плодородие почвы и богатства недр Маргианы, а также соседних оазисов запада, способствовали зарождению культуры уже в глубокой древности. О столь раннем достижении сравнительно высокой ступени культурного развития свидетельствует археологический материал, добытый в Анау близ Ашхабада³. Раскопки доказали, что уже во II тысячелетии до н. э. население Анау имело сношения с цивилизациями восточного Средиземноморья. Конечно, тем более крепкой должна была быть связь Маргианы со своими непосредственными соседями — с племенами кочевников северных степей. Последние стремились осесть на плодородных землях оазиса, и поэтому население Маргианы было в этническом отношении, как это отмечал П т о л е м е й (VI, 10), весьма разнородным. Среди племен, населявших тогда Маргиану, Птолемей называет массагетов, этническое имя которых означало, вероятно, «большие саки», в отличие от других, менее крупных сакских племен.

Еще раньше, нежели массагеты, «большие саки», саки севера, проникли, надо полагать, в Маргиану восточные саки, «амиргийские» саки. Вслед за В. В. Григорьевым я возвожу имя «амургиоі», «амиргийцы» данных сакских племен к имени той реки, в долине которой они, очевидно, пребывали, а именно реки Мюргаб, т. е. «Мюрг-воды»⁴. В древнеперсидских надписях мы находим для саков-амиргийцев соотвественные sakā haumavargā⁵. Haumavargā, означает «хаому изготовляющие», опьяняющий напиток, игравший значительную роль в зороастрийском культе.

¹ (Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция), возглавляемая профессором М. Е. Массоном, установила следы этих грандиозных укреплений.

² Б. А. Тураев, Рассказ египтянина Синухета, М., 1915, стр. 22—23.

³ Ридзеллу, The prehistoric civilisations of Anau, Вашингтон, 1908. Раскопки ЮТАКЭ, несомненно, расширят наши знания не только парфянского периода, но и культур более отдаленных времен.

⁴ В. В. Григорьев, О скифском народе саках, СПб., 1871, стр. 57 сл.

⁵ Накширустемская надпись, а, 25; надпись о дэвах, 26.

Я полагаю, что hašmavargā древнеперсидских надписей является попыткой этимологизации иранского этнического имени, нашедшего свое отражение в греческом *amurgios*. За подобное предположение говорит наблюдение В. В. Григорьева (ук. соч., стр. 58) о сходстве звуков между «Гаумаварга» и *amirgīoi*, а также вавилонская транскрипция древнеперсидского слова *hašmavargā*; нам известны следующие примеры вавилонской транскрипции древнеперсидского этнического термина «сака гаумаварга»: *gi-mir-gi u-tu-ur-ga*¹, *gi-mir-gi ú-tu-ur-ga*², *gi-mi-ir u-ma-ga*³. Приведенные образцы транскрипции свидетельствуют о полной самостоятельности вавилонских писцов в передаче данного древнеперсидского этнического термина. Они не довольствуются той рабской транскрипцией термина, которую мы находим в эламской версии соответствующих надписей⁴. Действительно, вавилонские писцы эпохи Дария дают не транскрипцию первого элемента сложного термина «сака гаумаварга», а по существу его перевод. Они заменяли имя «сака» здесь, как и везде, где оно встречалось в трехязычных надписях Ахеменидов, этническим термином «гимир», «гимирри». «Гимир», соответствующий «киммерий» греческих историков, «гомер» библии, являлся именем народа, племени которого с далекого севера, начиная с конца VIII в. до н. э., стали вторгаться в Переднюю Азию и были в течение VII в. угрозой для существования древневосточных государств. Они поэтому произвели на современников неизгладимое впечатление.

Правда, в эпоху захвата власти Ахеменидами угроза со стороны киммерийцев уже давно перестала существовать. Ужасы киммерийского вторжения продолжали жить лишь в исторической традиции. Воспользовались же вавилонские писцы этим устаревшим этническим термином для обозначения современных им «саков», очевидно, еще в то время, когда они по приказу Кира составляли официально тексты на вавилонском языке, не являвшиеся переводами основной персидской надписи. Вспомним знаменитый манифест Кира, составленный им для могущественного жречества Мардука в момент завоевания великого города. Здесь вавилонские писцы воспользовались для обозначения области Вавилона — основы мощи Кира, давно устаревшим термином «страна Кути»⁵, т. е. именем воинственного народа гутеев, завоевавших около 2200 г. до н. э. южное Междуречье. В других, не дошедших до нас официальных надписях, подобных манифесту, вавилонские писцы заменили, очевидно, имя саков, северных кочевых племен, угрожавших державе Кира, именем другого кочевого народа севера — «гимир», бывшего когда-то грозой тех государств Передней Азии, которые вошли теперь в состав объединения, созданного Киром⁶.

Я полагаю, что фонетический облик и второго элемента разбираемого мною сложного термина «умурга» или «умарга» был создан вавилонскими

¹ Надпись Дария, Сузы, е, 17.

² Накширустемская надпись, а, вавил. версия, 14.

³ Надпись о дэвах, вавил. версия, 21.

⁴ См. Накширустемская надпись а, эл. верс., 20: *ša-ak-ka u-tu-ma-ga-ka-ir*.

В надп. о дэвах, эл. верс., 22, текст, к сожалению, частично разрушен.

⁵ «*Mat Ku-ti-i*», строка 13 введения к манифесту Кира.

⁶ Ассирийские писцы эпохи Ассурбанипала показали своим товарищам по профессии халдейского Вавилона метод использования архаических терминов для явлений современности. В одной из надписей Ассурбанипала вождь кочевых племен (цимаг-мавда) Тугдамме назван дарем «сака-угутум». Я интерпретирую указанный термин, как «сака-гутеи». Ассирийские писцы VII в. отождествляли «саков», им каким-то образом уже известных, с воинственными гутеями. Писцы халдейского Вавилона, сопоставившие персов с гутеями, должны были использовать для обозначения «саков» другое этническое название, а именно «гимир».

писцами также в эпоху Кира, когда в самом южном Междуречье официальные надписи составлялись на одном лишь местном языке. Действительно, «умурга», или «умарга», не является фонетическим соответствием персидского «гаумаварга» надписей Дария и Ксеркса. Согласно правилам транскрипции персидских имен вавилонскими писцами в это время, «гаумаварга» могло передаваться в вавилонской версии или как u-tu-ta-ga, resp. u-tu-ta-ag-ga¹, или же как u-tu-ba-ag-ga². Следовательно, вавилонская транскрипция «умурга», resp. «умарга», восходила не к персидскому «гаумаварга», а примерно к персидскому «амурга», или «амарга»³. Этимологизация же последнего, как «гаумаварга» — «хаому изготовляющие», была создана лишь в эпоху Дария в связи с дальнейшим развитием культа бога Ахурамазды.

Тогда было, очевидно, сделано наблюдение, что восточные саки знали тот же опьяняющий напиток «хаому», что и племена западного Ирана. Геродот (I, 133) свидетельствует о большом значении, которое играл у персов опьяняющий напиток при решении важнейших дел: «важнейшие дела обсуждают они [т. е. персы] в состоянии опьянения, причем принятое мнение предлагается им снова, уже трезвым, на следующий день хозяином того дома, в котором происходило совещание. Если решение это нравится им и в трезвом виде, оно принимается, если же нет, отвергается. С другой стороны, если о чем-либо они предварительно совещаются в трезвом виде, то решают его в состоянии опьянения». Геродот сохранил здесь, несомненно, ценное свидетельство о ритуальных (а не бытовых) оргиях у племен западного Ирана. Опьяняющий напиток должен был сделать «знающими» участников подобной ритуальной оргии. Вспомним, что в Авесте опьянение «золотоцветной хаомой» дарует «всестороннее знание» (Ясна, 9, 17). Этимологизация «амурга» в эпоху Дария I как «гаумаварга», как «хаому изготовляющие» свидетельствует о том, я полагаю, что опьяняющий напиток ритуальных оргий персов в эпоху Геродота являлся «хаомой».

Если можно согласиться на основании вышесказанного с моим положением, что «гаумаварга» является, действительно, этимологизацией писца Дария более древнего «амурга»⁴, то тем самым устраняется всякое препятствие к возведению «амиргийцев» Геродота к имени реки «Мюргаб», т. е. «Мюрг-воды». С именем реки «Мюрг», надо думать, и связано древнее имя оазиса Мары — «Маргуш», «Маргиана» (В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 58). Долина Мюргаба, наверное, соответствовала «амургио» Гелланика, объясненной как «равнина в сакских землях»⁵ (там же,

¹ Ср. вавилонскую транскрипцию персидских личных имен и географических и этнических названий: Artavardiya (Бех., III, 29), Dārayavauš, Fravartis (Бех., II, 14 сл.), Mārgavaibiš (Бех., III, 16), Pišiyāvadāya (Бех., I, 36—37), Tārāva (Бех., III, 22), Uvaxštrahya (Бех., II, 15—16), Vivānam (Бех., III, 58).

² Ср. вавилонскую транскрипцию имени крепости — Sikayauvatis. Отклонение от данных правил при транскрипции имен Вистаспы и Гаубарувы (Гобрия) в надписях Дария I было, как я предполагаю, обусловлено тем, что фонетический облик транскрипции этих имен был закреплен в клинописных надписях до Дария I. Ср. имя Гукбару, сановника конца правления Навуходоносора II.

³ Персидское «амурга», как греческое «амургиос» относилось к имени рек «Мюрг», как персидское «asagartiya» «сагартиец» (Бех., II, 79) к греческому «сагартий» (Негр., I, 125).

⁴ В вавилонской версии персидских надписей Дария и Ксеркса название второго сакского народа «тиграхауда» не транскрибируется, как в эламской версии, а переводится. Подобный факт свидетельствует о том, что и «тиграхауда», наряду с амиргийцами, упоминались в вавилонских надписях Кира.

⁵ Юнге, Saka-Studien, стр. 29 сл., пытается возвести данную цитату Стефана Византийского из Гелланика к Геродоту (I, 204) и Страбону (XI, 8,2), но ни там, ни тут нет упоминания названного «Амургио». Поэтому я полагаю, что приведенная цитата из Гелланика восходит к какому-то другому, неизвестному нам, источнику, который описывал не прикаспийскую долину, а долину реки Мюргаб.

стр. 6). Поскольку часть восточных саков была расселена в долине Мюргаба, то, очевидно, именно эти амиргийские саки и пришли на помощь восставшим маргианцам. По крайней мере в Бехистунской надписи (II, 8) говорится, как мы видели выше, об области саков, которая упоминалась среди восставших областей на последнем месте. В дальнейшем в Бехистунской надписи нет больше речи о саках, точно так же как и о сатагидах, перечисленных в надписи непосредственно перед саками (II, 7—8) среди отпавших народов. Подобное умолчание о военных действиях против того и другого народа было, несомненно, обусловлено тем, что саки отпали от Дария в связи с восстанием в Маргиане, а сатагиды — в связи с мятежом в Персиде. Когда восстания в Маргиане и Персиде были окончательно подавлены, тогда и саки и сатагиды без дальнейшей борьбы снова покорились¹. Саки оказали Маргиане военную помощь не только как соседи, но и ввиду близости их культуры. Одежда амиргийских саков была тождественна, согласно свидетельству рельефов Персеполя, одежде ближайших соседей Маргианы — согдийцев и хорезмийцев. Часть из них перешла, подобно племени Маргианы, к оседлости (В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 69 сл.), и, как мы увидим ниже, саки и население Маргианы были близки друг другу и по религиозным верованиям.

Для державы Ахеменидов Маргиана, богатая своим плодородием и недрами, близкая географически и связанная в культурном отношении с саками, поставлявшими армиям Кира и Камбиса прекрасных воинов, являлась одной из областей, имевших первостепенное значение. Поэтому в эпоху Кира и Камбиса большой оазис Мары был объявлен самостоятельной сатрапией, наряду с Парфией, Согдианой, Хорезмом и Бактрией.

Правда, данное мое положение находится, казалось бы, в противоречии со свидетельством самой Бехистунской надписи. Последняя нам указывает (III, 12—15) на то, что борьба с восстанием в Маргиане была поручена Дарием сатрапу Бактрии, некоему персу Дадаршишу². После же описания победы последнего над мятежными маргианцами надпись увековечила (III, 19—21) следующее утверждение Дария: «Говорит Дарий царь: «Затем страна стала моей. Это то, что было сделано мной в Бактрии». На основании данных указаний Бехистунской надписи, и особенно последнего из них, современные исследователи и сделали тот, казалось бы, вполне естественный вывод, что Маргиана была включена Ахеменидами в состав Бактрии³. Тем не менее я полагаю, что данный вывод будет правильным лишь для периода, начиная со времени Дария, но он не будет соответствовать действительности для предшествующих царствований Кира и Камбиса.

Дело в том, что положение о включении Маргианы уже во время до Дария в состав Бактрии противоречит со всей определенностью одному из свидетельств Бехистунской надписи, а именно перечислению тех областей, которые отпали от Дария во время первого восстания в Вавилонии. Мы в самом начале нашего исследования привели уже этот список мятежных стран державы, унаследованных Дарием от своих предшественников. Там были перечислены Персия, Элам, Мидия, Сирия, Египет, Парфия, Маргиана, Сатагидия и страна саков, но не были названы Гир-

¹ См. В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, «ИАН СССР», сер. ИФ, III, 1946, № 3, стр. 236 сл.

² Не следует перса Дадаршиша, являвшегося сатрапом в Бактрии, отождествлять с армянским Дадаршишем, которому, согласно Бехистунской надписи (II, 29 сл.), Дарий поручил разбить мятежников в Армении. Ср. В. В. Струве, Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, «ИАН Арм. ССР», Сер. общ. наук, 1946, № 8, стр. 34.

³ Я сам в только что указанной статье (стр. 32) сделал подобный же вывод.

кания и Сагартия, хотя они также принимали участие в восстании¹. И Сагартия и Гиркания являлись областями, имевшими некоторое значение. В Сагартии выступил даже, согласно Бехистунской надписи (III, 79 сл.), самостоятельный узурпатор по имени Читратахи, объявивший себя царем из рода Увахшатра (Киаксара). Во время похода Ксеркса на Грецию Гиркания, подобно другим большим областям Персидской державы, выставила самостоятельный военный отряд под предводительством своего военачальника Магапана, «который впоследствии был правителем Вавилона» (H e r., VII, 62).

Следовательно, причину исключения Сагартии и Гиркании из списка мятежных областей не приходится искать в пренебрежении составителя надписи к этим двум территориям Персидского государства. Сагартия и Гиркания не были включены в список, несомненно, ввиду того, что они не являлись в момент вступления на престол Дария самостоятельными сатрапиями. Действительно, согласно Бехистунской надписи (III, 91—92), Сагартия входила в состав Мидии, а Гиркания была включена в Парфию, большую сатрапию, сатраном которой был отец Дария Гвстасп. Таким образом, включение Маргианы в указанный список отпавших от Дария областей (Бех., II, 6—8) свидетельствует о том, что Маргиана в момент захвата власти Дарием являлась самостоятельной сатрапией наряду с Парфией, Бактрией, Согдианой и т. д.

Подобное выделение Киром, а возможно, и его мидийскими предшественниками, сравнительно небольшой территории в самостоятельную административную единицу было, конечно, обусловлено экономическим и культурным значением этого оазиса среди прочих среднеазиатских областей обширного политического объединения, созданного племенами западного Ирана². Выдвигая Маргиану в качестве сатрапии, владельцы западного Ирана создавали тем самым условия, которые должны были • необходимостью привести к значительным сдвигам в общественном строе оазиса. Персидско-мидийская рабовладельческая знать и маги, жречество западного Ирана, не могли не стремиться к ослаблению и разрушению древней племенной демократии Маргианы и других среднеазиатских областей³. Со своей стороны свободолюбивые племена не могли без упорного сопротивления подчиниться игу западного Ирана, потрясавшему основу их социального бытия.

Это сопротивление началось уже очень рано. Древний эпос среднеазиатских народов, вскрытый В. В. Григорьевым (ук. соч., стр. 19 сл.) и В. В. Бартольдом⁴ в свидетельствах античной традиции, воспевает борьбу народов Средней Азии с мидянами. Недовольство народов Средней Азии иноземным владычеством должно было еще более усилиться тогда, когда сравнительно слабая организация рыхлого мидийского объединения сменилась более крепкой государственной властью Персидской державы. Кир находил опору в родовой знати восточных племен и тем самым укреплял силы, разрушавшие их первобытно-общинный строй. Несомненно, особенно остро протекала классовая борьба в Маргиане, области, которая, непосредственно примыкая

¹ Отсутствие в списке восставших областей Армении, на территории которой были неоднократно разбиты какие-то мятежники, я пытался объяснить в моей вышеуказанной статье.

² Следует отметить, что J u n g e в своей книге «Saka-Studien», опубликованной в 1939 г., незадолго до второй мировой войны, объявляет, примеч. 3, стр. 5, что «оазис Мерв принадлежит еще собственно к пространству Ирана». Это замечание характерно для империалистических построений многих буржуазных ученых.

³ См. С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, стр. 155 сл.

⁴ «К истории персидского эпоса», ЗВОРАО, XXII, стр. 257 сл.

к Гиркании (П т о л е м е й, VI, 10), была наиболее близка к западу Ирана. Здесь же наиболее болезненно чувствовалась суровость власти великого завоевателя Кира, требовавшего как от оседлого населения, так и от «тех, которые живут в шатрах», «тяжелую подать»¹. И здесь же, в Маргиане, на перекрестке торговых путей и взаимных влияний запада и востока, севера и юга, создавалась в условиях острой классовой борьбы мощная культура. Одним из ярких явлений того времени, я полагаю, было новое религиозное течение. Это течение нашло свое отражение в Гатах («песнях») Авесты, созданных Заратуштрой, пророком племен Ирана. Нашло оно свое отражение и в других наиболее древних частях Авесты.

Это учение всячески восхваляло величие труда мирного земледельца и скотовода. Говоря словами Б. А. Т у р а е в а, «земледелие для последователей Авесты и для песнопевца Гат не только почтенное занятие — это почти добродетель, без которого следование «учению» не вменяется в заслугу»². Пророк, у которого «мало стад и мало людей», не находит в начале своей деятельности ни у кого сочувствия, а одно лишь враждебное отношение:

*«В какую землю бежать, куда бежать я пойду?
Удаляют меня от воинов и жрецов.
Не утешает меня община,
Не принимают приверженные друждам тираны в стране»³.*

Характерна враждебность к нему со стороны и военной знати и жречества, а тем более со стороны тех правителей, которые были поставлены царями Мидии, а затем царями Персии над областями востока. Оседлые скотоводы не могли не поддержать Заратуштру, выступавшего против того, чтобы «жрецы и жертвователи предавали скот жажде убийства» согласно обрядам культа Ахурамазды (Ясна, 44, 20). Общинники должны были примкнуть к нему, выступавшему на защиту более бедных слоев племени, эксплуатируемых знатью.

Первой областью, в которой учение Заратуштры получило признание со стороны народных масс, была Маргиана, где особенно должны были обостриться, как мы выше видели, противоречия между знатью и жречеством, с одной стороны, и народом — с другой. О значении Маргианы для истории судеб религии Заратуштры свидетельствует первый фаргарт Видэвата, в котором перечисляются, начиная с крайнего севера, страны мира, сотворенные благим богом Ахурамаздой. Каждая из стран характеризуется своим положительным признаком, за которым следует указание отрицательной черты, созданной стране Ангра Майниу («злым духом»). Страной, возглавляющей список в качестве первой по благополучию, является «арийская Ваэджа» (Видэват, I, 2), т. е. Хорезм⁴. Положительным признаком последней считается принадлежность ее благой Даитии, реке, которая упоминается в одной из зороастрийских молитв (Видэват, 19, 2). Все же определения непосредственного отношения населения страны Ваэджа к учению пророка мы в этой характеристике не находим. Точно так же мы не находим его и в характеристике второй по благополучию страны Гавы, определяемой лишь как область, в которой «согдийцы живут» (там же, 1,4).

В противоположность первым двум, созданным Ахурамаздой, стра-

¹ См. вавилонский манифест Кира, строки 28—30.

² «История Древнего Востока», II (3-е изд.), стр. 144.

³ Ясна, 46. Я даю перевод текста, предложенный О. Э. Бертельсом в журнале «Восток», № 4 (1924), стр. 9.

⁴ См. С. П. Толстов, ВДИ, 1941, стр. 166.

нам — Ваджа (Хорезму) и Гава (Согду) — третья по благополучию страна Маргав, т. е. древнеперсидское Маргуш, греч. Маргиана, современное Мары, характеризуется как «мощная, верующая в Аша» (ашаван) (там же, 1,5), т. е. в основу основ учения Заратустры. Подобная характеристика не дается ни одной из следующих в списке стран востока¹. Я поэтому вижу в данном указании первого фаргарда Видэвдата свидетельство, подкрепляющее мое положение о том, что Маргиана являлась первой областью, в которой народные массы примкнули к учению Заратустры.

Я полагаю, что мы имеем в Авесте еще и другое свидетельство о ведущей роли оазиса в древнейшей истории зороастризма. Таковым свидетельством является знаменитый десятый Яшт, Яшт Митры, который выделяет среди прочих стран Маргав и его ближайших соседей Арайю, Согд и Хорезм (Яшт, X, 14) и даже локализует их в центральном из 7 каршиваров (материков) — в Хванирата (Яшт, X, 15). Тесная связь Маргианы с Согдом, Хорезмом и Арейей указывает, очевидно, на то, что учение Заратустры из области Маргианы сравнительно быстро распространилось на соседние страны. Рано достигло оно и области восточных саков, саков амиргийских, поскольку уже в надписях Дария последние называются «саками, хаому изготовляющими». Учение Заратустры, наверное, не оставалось чуждым и некоторым из племен северных саков, массагетов. Оно проникало к ним через посредничество Согда и Хорезма. Описание Геродотом (I, 202 и 215—216) культуры и быта массагетов не свидетельствует о чрезмерной примитивности их общественного строя. Рассказ же о том, что массагеты убивали своих стариков и затем, подобно исседонам (Her., IV, 26), пожирали, сварив их вместе с мясом разного скота (Her., I, 216), вряд ли заслуживает доверия. Он, очевидно, относится к злостным измышлениям со стороны соседних народов, подобно нелепому рассказу Онесикрита о том, что бактрийцы кидали своих стариков и больных живыми на растерзание собакам².

Не следует также делать какие-либо выводы об отсутствии у саков-массагетов культа всеиранского бога Ахурамазды на основании свидетельства ныне восстановленных строк 31—32 столбца V Бехистунской надписи. Если можно согласиться с восстановлением этих полуразрушенных строк последнего столбца, то этот текст передавал следующие слова царя Дария:

30. «..... [Говор]ит Дарий ца

31. р[ь : те]Са[к]и[мятежными были] и не Ахурамазд

32. а[ими почи]тал[ся. Ах]ура[мазду по]читал я. Милостью Ахурама

33. з[ды как м]оя [воля была³, так и]м сделал я.

Я полагаю, что данный исторический вывод отнюдь не является обязательным. Дело в том, что в том же V столбце Бехистунской надписи, в строках 14—17, мы имеем весьма близкий текст только что процитированному тексту строк 30—33. Хотя оба текста сильно разрушены, но благодаря близости содержания их восстановление было значительно

¹ Эта характеристика — «верующая в Аша» применяется еще в тринадцатой строке списка к имени страны «Чахра» (Видэвдат, 1, 16), локализуемой на западе. Надо полагать, что подобное определение страны «Чахра» было включено в текст первого фаргарда Видэвдата западным редактором, стремившимся представить Запад принявшим учение Заратустры не позднее Востока.

² Рассказ Онесикрита мы находим у Страбона (XI, 11, 33). Оценку достоверности рассказа его см. В. В. Струве, «Родина зороастризма», «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», I, Сталинабад, 1945, стр. 41.

³ К этому обороту см. исследование R. G. Kent, The Accusative in Old Persian «šam kama», IAOS, 66 (1946), I, стр. 44 сл.

облегчено путем взаимного сопоставления¹. Они близки друг другу и по характеру своего контекста. Строки 30—33 непосредственно примыкают к повествованию о победе Дария над саками-массагетами, а строки 14—17 являются заключением отчета о подавлении Гобрием, полководцем Дария, очередного восстания эламитян:

14. «.....Говор[ит Да]рий ца

15. рь т[е элами]тяне [мятежными были] и [и]ми Ахурама

16. зда [не почитался]. А[хурамазду] почитал я. Милостью А

17. хурама[зды как]мо[я воля была, та]к им сделал я».

Коль скоро и мятежные эламитяне и враждебные саки были объявлены в тексте V столбца Бехистунской надписи народами, не почитающими Ахурамазду, то следует сделать вывод, что в тот период Дарий I рассматривал всех своих врагов вместе с тем и врагами Ахурамазды. В первых четырех столбцах своей большой надписи Дарий никогда и нигде не заявлял о том, что его враги не почитали Ахурамазду, хотя среди мятежников были названы также и эламитяне. Он тогда, в самом начале своего царствования, ограничивался лишь указанием на то, что они «стали мятежными». В 5-м же году (517 г. до н. э.), году даты V столбца Бехистунской надписи², понятие о непосредственной, личной связи царя с великим, общим для многих иранских племен богом Ахурамаздой настолько укрепилось в сознании Дария и его ближайшего окружения, что все враждебные царю народы, не подчинявшиеся его власти, были объявлены не подчиняющимися Ахурамазде.

Из подобного утверждения Дария, конечно, не следует, чтобы действительно, враждебные ему саки-массагеты не почитали, наряду со своими племенными богами, и великого бога неба Ахурамазду, почитаемого многими иранскими племенами. В большую семью иранских народов входили, согласно свидетельству античных авторов, и саки-массагеты (В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 84 сл.). По Аммиану Марцеллину (XXII, 5, 16), массагеты являлись предками алан, одного из иранских народов. Указание Аммиана Марцеллина находит свое подтверждение в том любозытном факте, что имя вождя враждебных Дарию саков Скунха (Бех., V, 27) может быть интерпретировано как имя аланское³. Поэтому я, несмотря на свидетельство Бехистунской надписи (V, 31—32), готов допустить возможность того, что массагеты, предки алан, почитали Ахурамазду, но из этого еще отнюдь не следует, чтобы они были сторонниками учения Заратуштры. Можно ведь было почитать Ахурамазду и не быть еще сторонником Заратуштры, как мы это видим на примере Дария I и сына его Ксеркса⁴.

Конечно, под воздействием культуры своих южных соседей некоторые из племен массагетов могли примкнуть к учению Заратуштры, и таким образом поражение, нанесенное Киру массагетами, в свою очередь содействовало окончательной победе зороастризма в Маргиане, Согде и Хорезме. Во всяком случае гибель Кира в борьбе с воинственными кочевыми племенами должна была усилить на юге демократические тенденции, поддерживающие учение и поддерживаемые учением пророка. Вместе с тем смерть царя на далекой северо-восточной границе Персидской дер-

¹ W. Hinz, ZDMG, 93 (1939), стр. 373 и R. G. Kent, ук., соч., стр. 108 и 111—112.

² О дате V столбца Бехистунской надписи см. мою статью «Поход Дария I на саков-массагетов», «ИАН СССР», сер. ИФ, 1946, № 3, примеч. 4, стр. 231

³ См. исследование А. А. Фреймана, Плененный враг Дария, скиф Скунха

⁴ См. мое исследование «Родина зороастризма», стр. 39, где я выдвигаю положение, что «религиозная концепция Дария I и его сына Ксеркса не была тождественна учению Зороастра, несмотря на ряд моментов, которые являются общими и для той и для другой системы».

жавы имела последствием борьбу за власть между его сыновьями и мятеж отдельных областей, как об этом свидетельствует К с е н о ф о п т в «Киропедии» (VIII, 8)¹. Дарий, враждебно настроенный по отношению к Камбису, не говорит в Бехистунской надписи о смутах, всхнувших в момент вступления на престол Камбиса, но и он сообщает нам о том, что волнения начались еще до выступления мага Гауматы. Действительно, Дарий в своей надписи (I, 28—37) повествует о событиях правления Камбиса следующее: «Камбис, по имени, Кира сын, из нашего рода, он здесь парем был. У того Камбиса брат, Бардия по имени, был от одной матери (и) от одного отца с Камбисом. Затем Камбис того Бардию убил. Когда Камбис Бардию убил, народу неизвестно было, что Бардия был убит. Затем Камбис в Египет отправился. Когда Камбис в Египет отправился, затем народ враждебным стал, затем лжи в стране много стало, как в Персии, так и в Мидии и в других странах. Говорит Дарий царь: затем был человек маг, Гаумата по имени. Он восстал в Пишияваде, Аракадриш по имени гора, оттуда».

На это указание Бехистунской надписи о начале смут в государстве Камбиса еще до выступления мага Гауматы не было обращено в историографии никакого внимания. Учитывая же его, мы должны видеть в мятеже мага Гауматы не причину смут, обусловивших гибель Камбиса, но, наоборот, одно из последствий этих смут. Они были вызваны, надо полагать, следующими причинами. Все области, покоренные силой оружия, тяготились своей обязанностью принимать участие в бесконечных войнах державы Ахеменидов, а затем уплатой тяжелых податей. Поэтому маг Гаумата, захватив власть, «разослал по всем народам своего царства распоряжение о свободе от военной службы и от податей на три года» (Her., III, 67).

Народы же Ирана и северо-востока были обеспокоены социальными сдвигами, которые явились результатом завоеваний Кира. Знать Мидии, Парфии, отчасти Персиды была недовольна усилением значения народных масс в результате привлечения населения этих областей в ряды победоносных войск персидского царя. С другой стороны, и племена северо-востока не могли примириться с выдвиганием своей знати, которая заключила союз с господствующим классом державы Ахеменидов.

Маг Гаумата, воспользовавшись тем, что «он был очень похож по наружности на Смердиса, сына Кира, умерщвленного по приказу Камбиса, родного своего брата» (Her., III, 61), объявил: «я Бардия (Смердис), Кира сын, Камбиса брат». «Затем народ весь мятежным стал по отношению к Камбису, к тому перешли как Персия, так Мидия и другие страны. Царство он захватил. Гармапада месяца, 9 дня (это) было (2 Апреля, 522 г.), тогда он царство захватил» (Beh., I, 39—43). Подобный успех Гауматы был до некоторой степени обусловлен тем, что он действительно походил на убитого Камбисом Бардию. Последний, как известно, у Ксенофонта называется «Танаоксарес», а у Ктесия — «Танюоксаркес». Первая форма имени, засвидетельствованная у Ксенофонта, является вариантом второй «Танюоксаркес», восходящей к древнеперсидскому сложному выражению, состоящему из «тануш» «тело» и «вазарка» «большой» и означающему «телом большой», т. е. «богатырь», «витязь», «силач». Богатырем выступает Смердис-Бардия и в фольклорно-исторической традиции. Вспомним рассказ Геродота (III, 30), что Смердис один из всего персидского войска мог натянуть лук в два пальца шириной. Маг Гаумата также выступает у Геродота богатырем: в рассказе Геродота о его гибели (III, 78)

¹ «Кир умер, тотчас же сыновья его вступили в борьбу между собой, тотчас же города и народы отпали, произошел всеобщий поворот к худшему».

семь заговорщиков во главе с Дарием с трудом могли осилить мага и его брата. Недаром Дарий подчеркивал в своей большой надписи (I, 56—58), что он «немногими людьми того Гаумату мага убил и первейших ему преданных людей». Бесспорно, конечно, что основную причину успеха мага Гауматы приходится искать в тех социальных условиях, в той классовой борьбе, которая разгорелась, как мы выше видели, в Иране и на северо-востоке в результате войн Кира. На западе давно уже господствовавшая знать стремилась покончить с вновь укрепившимся положением народа, а на востоке народные массы стремились воспрепятствовать возвышению знати. Маг Гаумата, восставший против Камбиса и уничтоживший власть Ахеменидов, мог выбрать своей социальной опорой или знать, или народ. Он, как это доказал В. О. Т ю р и н¹, будучи магом, выбрал своей опорой знать.

Гонцы Гауматы, которых он разослал по всем областям державы тотчас же по вступлении на престол, передавали вместе с распоряжением о свободе от военной службы и от податей на три года указ о новых льготах для знати и об ограничении прав старой родовой организации. Они должны были вызвать особенно сильное ожесточение на Востоке и в первую очередь в Маргиане. Здесь возникает, таким образом, мощное движение. Оно вспыхнуло под воздействием зороастризма, в котором первоначально, как было выше указано, выступали весьма сильно демократические установки.

Захват власти Гауматой, независимо от социальной программы последнего, должен был вызвать сильное сопротивление в тех областях, где должность сатрапа занимали представители свергнутого царского рода Ахеменидов. Такими областями были Парфия и Гиркания, объединенные под властью Ахеменида Гистаспа, отца Дария. Гистасп, входивший в ближайшее окружение Кира², получил эту большую сатрапию, надо полагать, из рук великого царя. О том, что он сравнительно долгое время уже управлял названной сатрапией в момент вступления на престол Дария, свидетельствует, кажется? Бехистунская надпись. По крайней мере, согласно надписи, Гистасп по отношению к народу своей области занимал положение самостоятельного правителя. Дарий в своей надписи (II, 93—94) повествует: «Гистасп, мой отец, он в Парфии был, его народ оставил³, мятежным стал». Следовательно, Гистасп занимал в своей сатрапии положение почти самостоятельного правителя. Мятежный народ восстал не против царя, а против него. Конечно, Дарий должен был выделить в надписи своего отца Гистаспа, но вряд ли бы он использовал данный оборот «его (т. е. Гистаспа) народ оставил», если бы его отец был случайным, недавно назначенным правителем Парфии. Подобное положение почти самостоятельного правителя мог создать себе Гистасп лишь при том условии, что он занимал должность сатрапа Парфии и Гиркании уже некоторое время.

П т о л е м е й (VI, 10), как мы выше видели, указывал на то, что

¹ В своей кандидатской диссертации «Внутренняя политика Дария I». См. вторую главу его исследования «Предпосылки смут, предшествовавших воцарению Дария» (стр. 84 сл.), в которой автор четко определяет характер политики мага Гауматы, стремившегося обеспечить полное господство знати. Диссертация В. О. Тюрина была защищена в июле 1941 г., в начале Великой Отечественной войны, и не могла быть поэтому напечатана, несмотря на положительные оценки таких крупных иранистов-лингвистов и иранистов-историков, как А. А. Фрейман, В. И. Абаев и М. М. Дьяконов.

² Ср. рассказ Геродота (I, 209) о свидении Кира во время похода на мидяносагетов о будущем величии Дария. Здесь Гистасп находится в окружении Кира. Очень вероятным является предположение, что он находился в войске Кира как военачальник отряда парфян.

³ Т. е. оставил не Дария, а Гистаспа.

Гиркания, входившая в состав сатрапии Гистаспа, примыкала к западной границе Маргианы, и поэтому Гистасп не мог не знать о народном движении, которое после захвата власти магом охватило весь оазис и было связано с учением Заратуштры. Это движение должно было привлечь внимание Гистаспа, так как он видел в нем силу, которую он мог бы использовать для того, чтобы свергнуть власть ненавистного узурпатора. Отнюдь не исключена возможность, что Гистасп сам был знаком с учением Заратуштры. Дело в том, что гениальный ученый Узбекистана Ал-Бируни сохранил нам дату выступления Заратуштры, которая могла бы быть включена в число лет жизни Ахеменида Гистаспа. Ал-Бируни определил начало деятельности Заратуштры 258 г. до года установления Селевкидской эры, т. е. 570 г. до н. э. При такой датировке выступления великого пророка Ахурамазды его жизненный путь мог встретиться с жизненным путем Гистаспа, отца царя Дария I. Датировка же Ал-Бируни, повторяемая и другими мусульманскими писателями средневековья, восходит, я полагаю, к хорошей исторической традиции.

Свои знания об Иране эпохи Ахеменидов Ал-Бируни мог черпать из византийских писателей, сохранивших не только историческую традицию классической литературы, но и традицию современной им историографии сасанидского Ирана. Последняя могла обладать ценными данными о далеком прошлом Ирана, так как некоторые конкретные знания о событиях эпохи Ахеменидов продолжали жить в западном Иране и долго после разгрома, учиненного македонцами Александра. Так, Дион Хрисостом, писатель, живший на рубеже I—II вв. н. э., сохранил нам персидскую версию о греческом походе Ксеркса, вложенную в уста некоего мидийца. Версия эта «сводится к тому, что Ксеркс, предприняв поход против греков, победил лакедемонян при Фермопилах и убил царя Леонида, затем взял и разрушил город Афины, обратив в рабство тех, кто не успел спастись бегством. Наложив на греков дань, он возвратился в Азию»¹. В эпоху Сасанидов писатели Запада, как Аммиан Марцеллин (IV в.) и Агафий (VI в.), знали традицию Авесты о связи Заратуштры с неким правителем Гистаспом, и они отождествляли его с Гистаспом, отцом Дария I². Я не думаю, что сопоставление названными поздними историками греко-римского мира Гистаспа, покровителя Зороастра, с Гистаспом Ахеменидом было результатом их «научно-исследовательского творчества». Оно восходило, наверное, к традиции Ирана эпохи Сасанидов. Ал-Бируни мог ознакомиться с последней не только при помощи греческой и византийской литературы, но также и через иранские источники, сохранившие и в эпоху ислама элементы до-мусульманской, сасанидской традиции³.

Согласно свидетельству Авесты, Вистаспа, покровитель Заратуштры, не являлся единственным правителем («кави»), но ему и Заратуштре приходится вступать в борьбу с другими правителями («кавия»). Подобная политическая раздробленность мира, в котором действовал Вистаспа, может найти свое соответствие в условиях, которые наступили на северо-востоке державы Ахеменидов после смерти Кира. В Авесте мы находим еще один

¹ Л. Ельницкий, Новая надпись Ксеркса, ВДИ, 1940, № 2, стр. 172. Чрезвычайно было бы желательным систематическое обследование классической и византийской историографии в целях установления в ней элементов подлинной иранской традиции.

² См. исследование J. Hertel, Die Zeit Zoroasters, 1924. Несомненной заслугой Хертеля в изучении древней истории Ирана является его попытка доказать в данном исследовании, как и в ряде других, тождество Гистаспа, отца Дария, I, с Вистаспой Авесты. Коренной ошибкой его построения было положение о зороастризме самого Дария I. Автор настоящего исследования когда-то был пленен и этим порочным моментом построения Хертеля. См. теперь В. В. Струве, Родина зороастризма.

³ См. К. А. Иностранцев, Сасанидские этюды, СПб., 1909.

любопытный момент, который, казалось бы, также говорит в пользу отождествления Вистаспы, покровителя и первого почитателя Заратуштры, с Гистаспом, отцом Дария I. Вистаспа называется потомком «Наотара», т. е. «Младшего» (Яшт, 5, 98 и др.). Гистасп же, как известно, был представителем младшей ветви Ахеменидов. Поэтому становится не слишком вероятным предположение, что мы имеем в лице Вистаспы текстов Авесты лишь тезку Гистаспа, отца Дария.

Еще менее вероятно полагать, что столь редкое имя, как Вистаспа-Гистасп¹, соответствовало бы в Авесте и в исторических памятниках двум различным деятелям, отделенным друг от друга и пространством и временем, если мы учтем, что Авеста засвидетельствовала связь Вистаспы с одной личностью, которая бесспорно была когда-то в общении с историческим Гистаспом. Я имею в виду старшую дочь Кира — Атоссу, бывшую последовательно замужем за Камбисом, Лже-Бардией (магом Гауматой) и, наконец, Дарием. В Авесте неоднократно упоминается женщина, «верующая в Аша», по имени Hutaosa, и это авестийское женское имя соответствует со всей несомненностью «Атоссе» Геродота². Из указанных упоминаний Авесты об Атоссе наиболее ценное для историка мы находим в Яшт, 15, 35—36. Здесь Атосса изображена приносящей жертву «с многочисленной родней, в доме потомков Младшего (Наотара) на золотом (престоле)», и молящейся о том, чтобы она «была любима, ее бы любили и назвали желанной в доме правителя Вистаспы».

Действительно, это свидетельство Авесты заслуживает своей конкретностью внимания историка. Оно связывает судьбы Вистаспа и Атоссы, очевидно, путем брака между ними. С исторической точки зрения какое-то сближение между Гистаспом и Атоссой еще до женитьбы Дария I на последней отнюдь не является невозможным. Мы имеем указание на то, что произошло какое-то отчуждение между Камбисом и его старшей сестрой и женой Атоссой незадолго до похода его в Египет. На этот факт указывает, кажется, сообщение Геродота (III, 31), что Камбис взял с собой в поход свою младшую сестру³, а не старшую — Атоссу. Сообщение Геродота заслуживает доверия, так как и его придирчивый критик Ктесий подтверждает, что не Атосса, а другая сестра Камбиса, по имени Роксана, сопровождала царя в Египет. Оставление Атоссы в Иране было, очевидно, обусловлено враждебностью к ней Камбиса в результате тех семейных раздоров, которые в конечном итоге привели к убийству Бардии. Во всяком случае, каковой бы ни была причина предпочтения Камбисом младшей сестры Роксаны, факт оставления Атоссы в Иране означал умаление достоинства последней как старшей сестры и старшей жены. Властная Атосса, которая сумела подчинить своей воле даже такого крупного государственного деятеля, каковым был ее последний муж — Дарий I⁴, не могла, конечно, примириться с оскорблением, нанесенным ей Камбисом. Опираясь на свой авторитет как старшей дочери великого Кира, Атосса стала, несомненно, принимать участие в интригах, содействовав-

¹ Я полагаю, что другие исследователи не в достаточной степени учитывают редкость имени Вистаспа-Гистасп, когда они настаивают на случайности совпадения этого имени в исторических текстах и в текстах Авесты.

² См. Stonecipher, Graeco-persian names, стр. 31. Поскольку труд названного американского праиста был опубликован до 1918 г., т. е. до появления исследований Хертеля, пытавшегося доказать зороастризм Дария I, то отождествление им «Атоссы» Геродота с Hutaosa Авесты не было обусловлено какой-нибудь предвзятой теорией.

³ Геродот не называет ее имени.

⁴ См. Нег., III, 134, и особенно VII, 3. Здесь Геродот прямо заявляет, что «Атосса была всемогуща».

ших тому, что «когда Камбис в Египет отправился, то народ мятежным стал» (Бех., I, 33).

Оскорбленная Атосса могла найти поддержку в своих интригах против Камбиса в среде представителей младшей ветви Ахеменидов («потомков Наотара»), мечтавших о достижении полной независимости по отношению к старшей ветви. Отношения между старшими и младшими Ахеменидами были уже издавна недружелюбными. Весьма вероятно, что борьба между мидийскими и персидскими племенами за гегемонию в Иране тесно переплеталась с борьбой между старшими и младшими Ахеменидами¹. Традиция о неприязненных отношениях между Киром, с одной стороны, и Гистаспом и Дарием — с другой, нашла свое отражение в рассказе Геродота (I, 209) о сновидении Кира, истолкованное последним как свидетельство о злоумышлениях со стороны Дария, сына Гистаспа. Теперь во время смут, начавшихся в Персии, в Мидии и в других странах после того, как Камбис отправился в Египет (Бех., I, 33—35), для Гистаспа наступил, казалось, момент, когда власть в Иране могла перейти от старшей ветви Ахеменидов к младшей. Об убиении Камбисом Бардии Гистасп, наверное, был осведомлен, как об этом знал, согласно Бехистунской надписи, и сын его Дарий². Царь же, покушавшийся на жизнь представителя царского рода без соответствующего суда, терял, очевидно, право на престол. Только при допущении такого постановления в государственном праве державы Ахеменидов можно объяснить столь быстрый и безболезненный переход власти в руки узурпатора, который «народу так лгал: «Я — Бардия, Кира сын, Камбиса брат». Затем народ весь мятежным стал по отношению к Камбису, к тому перешел, как Персия, так и Мидия и другие страны» (Бех., I, 38—41). Маг Гаумата, приняв образ Бардии, заявлял народу-войску, оставшемуся на родине, о покушении на жизнь его, Бардии, со стороны Камбиса и лишал тем самым последнего какого-либо права на царский престол³. На безоговорочный переход народа-войска на свою сторону рассчитывал и Гистасп, если бы он выступил с заявлением об убиении Камбисом брата его Бардии. Для полного же успеха в достижении своей цели Гистасп, старший представитель младшей ветви Ахеменидов⁴, должен был договориться с Атоссой, чтобы она, старшая дочь великого Кира, единственная полноправная представительница старшей ветви Ахеменидов, согласилась стать его женой. Теперь наступил тот момент, который был увековечен Яшт, 15, 36, когда Атосса «была любимой, ее любили и называли желанной в доме правителя Вистасны».

Мечте составителя пятнадцатого Яшт не суждено было осуществиться. Выступление мага Гауматы в образе Бардии, младшего брата Камбиса, разбило планы Гистаспа и его союзницы Атоссы. Старшие Ахемениды получили в лице возвращенного к жизни Бардии снова полноправного претендента на престол царя царей Ирана. Опираясь на знать и жречество западного Ирана, лже-Бардия захватил власть. Камбис, запятнавший

¹ Борьба начинается после смерти Теиспы, сына Ахемена, между его сыновьями — Киrom I (старшим) и Арнарамном (младшим). Этому вопросу будет посвящено специальное исследование.

² Бех., I, 53—54: «Никто не осмелился что-нибудь сказать о Гаумате маге, пока я не прибыл». Дарий знал об убиении Бардии, а тем самым и о подлинной личности узурпатора, захватившего престол Ахеменидов.

³ Древняя конституция хеттского царя Телипина даже предусматривала казнь царя в случае убийства им представителя царского рода без согласия на то совета (тулия). См. мое исследование «Гуманность» хеттских законов», ВДИ, 1947, № 4.

⁴ Правда, согласно свидетельству надписи Дария I о сооружении дворца в Сузах и гаремной надписи Ксеркса, тогда был еще жив и отец Гистаспа Арсам, но он ввиду своего преклонного возраста не играл уже никакой роли. О какой-либо деятельности его в то время не упоминают ни древнеперсидские, ни греческие источники.

себя покушением на жизнь брата, потерял свои права на царский престол и «смертью (причиненною) самим собой умер» (Бех., I, 43)¹. Сообщив о смерти Камбиса, Дарий (Бех., I, 44—48) продолжает: «Это царство, которое Гаумата маг захватил у Камбиса, изначала нашему роду принадлежало. Затем Гаумата захватил у Камбиса как Персию, так и Мидию и другие страны. Он (их) взял, собственностью сделал, он царем стал». Знать и жречество признали власть мага, но народные волновались, хотя Геродот (III, 67) и заявлял, что маг «спокойно царствовал в течение семи месяцев». «Отец истории» в данном отношении не дает вполне верного представления о характере событий, заполнявших недолгое правление лже-Бардии. Политика последнего, допускавшая насилия «мощного» над «бедняком»², должна была вызвать волнения среди народа, особенно сильные на востоке, где древняя родовая демократия была, как мы выше видели, еще более мощной, нежели на западе.

Самое же опасное для мага Гауматы движение возникло в Маргиане. Там учение Заратуштры с его демократическими тенденциями получило раньше, чем где-либо, признание народных масс³. Восстание приняло здесь, в полном смысле слова, народный характер, о чем свидетельствует громадное количество убитых маргианцев, засвидетельствованное вавилонской версией Бехистунской надписи⁴. Потери мятежников были отмечены и в более поздней арамейской копии Бехистунской надписи, найденной в архиве иудейской военной общины персидского гарнизона Элефантины⁵. Согласно данным вавилонской версии и арамейской копии Бехистунской надписи, в Маргиане было убито более чем 55 тыс. мятежников⁶ — цифра громадная по сравнению с теми потерями, которые понесли мятежники в результате подавления восстаний в западных областях державы Ахеменидов. Колоссальность потерь отпавших маргианцев и их союзников по сравнению с потерями мятежников на западе выступит еще более четко, если мы примем во внимание, что области северо-востока были менее густо заселены, нежели западные области.

Вся Маргиана была залита кровью; таким образом, очевидно, что «здесь в восстании должны были участвовать и широкие круги населения»⁷. Подобное мощное народное движение, конечно, не могло развернуться в столь краткий отрезок времени, как два или два с половиной месяца, начиная с дня убийства Гауматы (29 сентября 522 г.) и кончая днем решающего поражения мятежников (10 декабря 522 г.). Поэтому

¹ Я следую интерпретации данного трудного места надписи Дария, которая была предложена А. А. Фрейманом, «Восток», V, стр. 4.

² Дарий заявлял в своей надписи (Сузы, е, строка 39—41), посвященной реорганизации Персидской державы после победы над магом Гауматой, что благодаря его закону «мощный» («таувия») бедняка («скаутаип») не насиловал и не угнетал». Здесь в Сузах, в надписи, предназначенной для запада, Дарий не счел нужным говорить о своей борьбе с народной массой (см. ниже). На западе он боролся с чрезмерной мощью знати.

³ См. стр. 16 сл. настоящего исследования.

⁴ В этой версии, в противоположность персидской и эламской, Дарий I сообщал число убитых и пленных мятежников. Очевидно, вавилонская версия была несколько позднее составлена, нежели персидская и эламская. К моменту ее составления потери мятежников были окончательно определены. О потерях мятежников сообщает также и фрагментированная копия вавилонской версии, вырезанная на камне, которая была найдена в Вавилоне. К сожалению, место, где указывалось число убитых, оказалось здесь полуразрушенным.

⁵ См. И. М. Волков, Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до Р. X.

⁶ Согласно вавилонской версии было убито 552[4]3 и взято в плен 6572 человека. Согласно арамейской копии, число убитых равнялось 55243, а число пленных 6972.

⁷ К. В. Тревер, Древняя история народов Узбекистана (входит в состав I тома «Истории народов Узбекистана»), стр. 26 рукописи.

мы должны предположить, что оно началось значительно раньше, еще до вступления на престол Дария, а именно тогда, когда указы узурпатора Гауматы, устанавливающие господство знати и конец старой родовой организации, достигли Маргианы. Восстание в Маргиане благодаря центральному положению оазиса могло легко перекинуться и на соседние области. Поэтому оно должно было обратить на себя внимание такого ожесточенного врага Гауматы, каким был Гистасп. Сатрап Парфии и Гиркании, непосредственный сосед Маргианы, Гистасп мог надеяться найти здесь ту силу, которая помогла бы ему покончить с Гауматой. Если же Гистасп был, действительно, тождествен с Вистаспом, покровителем Заратуштры, то ему было весьма нетрудно вступить в тесный союз с восставшей Маргианой.

Волны пародного движения Маргианы, защищающего «бедняков» от «мощных», поддержанного влиятельным сатрапом Парфии Гистаспом, могли захлестнуть и Иран. Они могли, конечно, смести с лица земли власть мага Гауматы, но вместе с тем уничтожить и власть крупной рабовладельческой знати, установившуюся в западном Иране. Страх знати перед народным восстанием на северо-востоке, а также недовольство ее против Гистаспа, содействовавшего опасному движению, привели к тому, что «парем царей» Ирана стал не Гистасп, старший в роде Ахеменидов, а сын его Дарий.

Дарий сам счел нужным в своей надписи о сооружении дворца в Сузах объяснить и оправдать факт своего выдвижения на царский престол Ахеменидов при жизни отца и деда: «Говорит Дарий царь: Аурамазда, величайший из богов, он меня создал, он меня царем сделал, он мне это царство пожаловал, великое, (изобилующее) добрыми конями (и) добрыми мужами. По воле Аурамазды мой отец Вистаспа и Аршама, мой дед, они оба были живы, когда Аурамазда меня царем сделал на этой земле»¹. Решение бога осуществила знать западного Ирана, которая никак не могла допустить к власти Гистаспа, поддерживавшего народное движение, столь опасное для ее господства. Дарий же, конечно, понимал, что Гистасп, содействуя народному движению в Маргиане, действовал отнюдь не в интересах племенной демократии, а исключительно ради свержения ненавистного узурпатора. Поэтому он спас отца от гнева знати и сохранил ему в первые годы своего царствования положение правителя Парфии и Гиркании². Свою надпись о сооружении дворца в Сузах Дарий заканчивает молитвой о даровании защиты не только себе, но и отцу: «Меня да хранит Аурамазда и Вистаспу, моего отца, и мою страну»³. Впоследствии, очевидно, под давлением знати, Дарий был вынужден перевести Гистаспа из царфянской сатрапии в Персиду в качестве наместника. Поэтому для дальнейшей традиции, нашедшей свое отражение у Геродота, Гистасп и Дарий в годы, предшествующие воцарению Дария, были связаны не с Парфией и Гирканией, а с Персидой⁴, столь далекой от Маргианы.

Отношение к Гистаспу со стороны Ксеркса было уже иным, нежели со стороны Дария. В той надписи Ксеркса, в которой он коснулся вопроса о переходе царской власти к отцу своему, чувствуется некоторое осуждение

¹ Строки 8—15 надписи. Я следую адекватному переводу В. И. Аббаева в его исследовании «Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах», сер. «Iranica», № 3 (1945), стр. 127 сл.

² См. сказанное выше на стр. 20 сл. о положении Гистаспа в управляемой им области.

³ Строки 57—58 надписи. См. **Аббаев** цит. соч., стр. 131.

⁴ Нег., I, 209 и III, 70. В последней главе Гистасп назван «наместником Персиды». Очевидно, традиция Ахеменидов V в. стремилась забыть полностью «неблаговидную» деятельность их предка в грозные дни 522 г.

последнего. В событии конца 522 г., в передаче царской власти после убийства мага Дарию, а не Гистаспу, Ксеркс нашел оправдание для передачи в 486 г. престола царя царей ему, Ксерксу, помимо его старшего брата Артобазана (Herzfeld, VII, 2—3). Апологию своего права на престол отца дал Ксеркс в документе о воздвижении здания своего гарема¹. Он заявлял: «Мой отец Дарий, Дария отец Вистаспа по имени был, Вистаспы отец Аршам по имени был. Как Вистаспа, так Аршам оба были живы, все же Ахурамазды так воля была, Дария, моего отца, его царем он сделал на этой земле. Когда Дарий царем стал, многое прекрасное он создал. Говорит Ксеркс царь: у Дария сыновья другие еще были, Ахурамазды так воля была: Дарий мой отец после себя меня наибольшим сделал. Когда мой отец Дарий с престола сошел², милостью Ахурамазды я царем стал на отца престоле. Когда я царем стал, многое прекрасное я создал» (строки 16—31 надписи).

Мы видим, что в данной надписи Ксеркс сопоставил друг с другом, как две соизмеримые величины, деда своего Гистаспа и старшего своего сводного брата, Артобазана по Геродоту. Для Ксеркса Артобазан, несомненно, был фигурой ненавистной, поскольку последний уступил ему престол отца только после ожесточенной борьбы. Надо полагать, что смуты, возникшие в начале царствования Ксеркса, согласно надписи о дэвах, явились отчасти последствием борьбы за царскую власть после смерти Дария³. Поэтому Ксеркс, сопоставляя Гистаспа с Артобазаном, осуждал и своего деда, поддержавшего когда-то грозное для знати народное движение в Маргиане.

Отрицательное отношение Ксеркса к своему деду Гистаспу свидетельствует об ожесточении знати по отношению к отцу Дария и тем самым объясняет нам факт передачи в конце 522 г. царской власти Дарию. Дарий же, получив из рук знати власть, должен был оправдать ее доверие максимально быстрым и решительным подавлением мятежа в Маргиане, предупредив распространение его на запад Ирана. Таким образом, чрезвычайная опасность восстания в Маргиане явилась второй из причин столь молниеносных и энергичных мероприятий Дария против мятежников. Первой причиной, как мы выше видели⁴, было большое значение, которое имел оазис Мары для хозяйства среднеазиатских областей державы Ахеменидов.

Стремясь доказать свою лояльность к знати, поддерживавшей его в борьбе с Гауматой, Дарий послал немедленно после убийства узурпатора своего гонца в Маргиану с ультимативным предложением главарям подчиниться требованиям его социальной политики. Последняя сводилась, как это мы можем доказать⁵, к установлению общественного строя, при котором сохранялась общинная организация, защищающая экономически слабых представителей племени, но вместе с тем и обеспечивающая руководящую роль знати. Будучи наиболее дальновидным представителем своего класса, Дарий пытался спасти господствующее положение знати, поставив последнюю в условия, которые сдерживали ее безудержное хищничество по отношению к народу. Социальное содержание своей внутренней политики он весьма четко дал понять во второй из своих надгроб-

¹ Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, № 15, стр. 35 сл. и табл. XIII—XIV. О документах закладки здания: E. Schmidt, *The treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of the Achaemenians*, Чикаго, 1939, стр. 11 сл.

² Т. е. умер. Такое значение данного древнеперсидского оборота устанавливается соответствующим оборотом в вавилонской версии надписи.

³ См. В. В. Струве, *Родина зороастризма*, стр. 5. сл.

⁴ См. настоящее исследование, стр. 10—11.

⁵ См. вышеуказанную диссертацию В. О. Тюрина, *Внутренняя политика Дария I*.

ных надписей, в Накширустемской надписи В. Дарий пытается здесь наиболее выразительно представить свое стремление смягчить социальные противоречия в современном ему обществе Ирана. Он поэтому заявляет: «Не моя воля это, чтобы бедняку мощного ради зло было бы причинено. Но моя воля это, чтобы мощному бедняка ради зло было бы причинено» (строки 8—11 надписи).

Заявление Дария о том, что он стоит и над знатью и над народом, в одинаковой степени оберегает интересы и той и другого, не удовлетворило восставших маргианцев, и они не подчинились его требованию признать его власть, став тем самым мятежными уже по отношению к нему. Поэтому Дарий и мог определить в Бехистунской надписи (II, 6—8) начало восстания в оазисе Мары временем, когда он пребывал в Вавилонии, т. е. примерно около середины октября 522 г. В данный момент до Дария дошло известие, что маргианцы отказались принять его требования¹. Вероятно, тогда же мятежники решили перед лицом нависшей над ними опасности вторжения верных Дарию войск выбрать единого военачальника. На подобное мероприятие с их стороны указывает начало повествования Бехистунской надписи о мятеже в Маргиане: «Маргиана по имени страна, она по отношению ко мне мятежной стала. Мужа, Фраду по имени маргианца, его наибольшим они сделали» (III, 11—12). До того, очевидно, руководил восстанием совет вождей племен. Теперь же для борьбы со вновь восставленной державой Ахеменидов требовалась более прочная военная организация.

Правда, в тот момент Дарий еще не располагал неисчерпаемыми ресурсами своей громадной державы, и положение его было весьма нелегким. Войска у него самого было очень мало, и оно было ему необходимо в первую очередь для замирения мятежных областей западного Ирана. Приходилось волей-неволей использовать военные силы соседних с Маргианой областей, чтобы решительно и свирепо подавить мятеж, угрожавший власти знати. Ждать помощи со стороны западного соседа, парфянской сатрапии, не приходилось. В самой Парфии вспыхнули смуты, да и правитель ее, Гистасп, как адепт учения Заратуштры, был слишком скомпрометирован. Другим мощным соседом Маргианы являлась бактрийская сатрапия, силы которой были достаточно велики², чтобы подавить восстание в большом оазисе, расположенном к западу от нее.

Во главе Бактрии стоял тогда в качестве сатрапа некий перс, по имени Дадаршиш³. Он, надо полагать, получил свою сатрапию еще из рук Кира. Во всяком случае он не сменил в своей должности сатрапа Бактрии Бардию, младшего брата Камбиса, как полагают некоторые исследователи, опираясь на свидетельство Ктесия. Ктесий сообщает нам о том, что младший сын Кира был назначен повелением отца правителем Бактрии, Парфии и Гиркании. Поскольку же, как мы выше видели, Гистасп был правителем Парфии и Гиркании еще до воцарения Дария, то это свидетельство историка, врача из Книды, не заслуживает доверия. Как известно, труды Ксенофонта являются несравненно более ценными источниками, нежели труды придворного врача царя Артаксеркса II, а в «Киропедии» (VIII, 7) мы читаем, что Кир сделал своего младшего сына «сатрапом мидян,

¹ Вопросу о возможности столь быстрых сношений между областями западного Ирана со странами далекого северо-востока и востока будет посвящено специальное исследование.

² Бактрийцы (Н е г., III, 92) стояли, подобно парфянам (Н е г., III, 93), во главе самостоятельного нома (округа).

³ Его нельзя отождествить с армянином Дадаршишем, которого, согласно Бехистунской надписи (II, 29 сл.), Дарий отправил в Армению. См. В. В. Струве, Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, стр. 34.

армян и кадусиев»¹. Данное свидетельство Ксенофонта хорошо согласуется с фактом, что лже-Бардия (маг Гаумата) был убит в крепости Сикаяува-тиш, в области по имени Нисая, в Мидии (Бех., I, 58—59). Маг Гаумата, принявший имя Бардии, пребывал в той сатрапии, которая была выделена ему в виде личного владения отцом его Киrom.

Следуя указанному свидетельству Ксенофонта и отвергая сообщение Ктесия о наместничестве Бардии в Бактрии, мы с большой долей вероятности можем предположить, что перс Дадаршиш, бывший сатрапом в Бактрии в год восстания маргианцев, уже ряд лет пребывал в этой высокой должности. Он поэтому имел все возможности использовать с максимальным успехом ресурсы своей сатрапии для замирения охваченного огнем восстания оазиса Мары. Поскольку же он признал царем Дария, последний получил основание выбрать Дадаршиша своим «оружием борьбы» с мятежной Маргианой. Сообщив в своей большой надписи о том, что мятежники избрали своим военачальником Фраду, Дарий далее пишет: «Затем я послал гонца, — Дадаршиш по имени, перс, мой раб, в Бактрии сатрап, — к нему я сказал: «иди то войско разбей, которое моим не называется» (Бех., III, 12—15).

Здесь Дарий лишь умолчал о той цене, которую он купил готовность Дадаршиша покончить с восстанием в Мары, а именно об обещании в случае успеха присоединить богатую Маргиану к бактрийской сатрапии Дадаршиша. Столь щедрая награда разрешила все сомнения и покончила с какими-либо колебаниями Дадаршиша. Он безжалостно и с молниеносной быстротой² в потоках крови затушил восстание в Мары, в основном очаге смут. Правда, военачальник мятежных маргианцев Фрада спасся бегством, очевидно, к союзникам Маргианы, к амиргийским сакам³. Последние были замирены несколько позже, и тогда же был пленен и Фрада, вождь первого засвидетельствованного достоверным источником народного движения в истории народов СССР. Судя по рельефу над основной надписью Бехистунской скалы, на котором Фрада был изображен за Арахой, руководителем второго восстания в Вавилонии, военачальник Маргианы был пленен после 27 ноября 521 г., когда войсками полководца Дария Виндафарны был захвачен Араха.

Успех Дадаршиша в борьбе с восстанием, вспыхнувшим отчасти под воздействием зороастризма, свидетельствует о том, что маздаизм Бактрии тогда еще не был реформирован учением Заратуштры. Включение же Маргианы, после победы Дадаршиша, в состав Бактрии имело последствием дальнейшее распространение демократических тенденций зороастризма. Дело в том, что столь жестокое подавление народного движения, связанного с зороастризмом, и подавление его по приказу сына Гистаспа, покровителя учения Заратуштры, не искоренило учения Заратуштры, возмечившего труд человека и защищавшего преданного труду от всякого насилия. Беспредельная жестокость Дария при подавлении восстания в Маргиане явилась в истории развития системы зороастризма одной из причин, обусловивших то примечательное явление, что Дарий, старший сын Гистаспа, покровителя Заратуштры, не упоминался в Авесте⁴. Мы находим в Авесте даже прямое осуждение рода Вистаспы, рода потомков «Наотара», «Младшего», т. е. младшей ветви Ахеменидов. В Яшт (17, 55 сл.) непосред-

¹ Народ на южном побережье Каспийского моря, представители которого славились как пращники.

² Как мы выше видели (стр. 10), решающее поражение было нанесено уже 10 декабря 522 г. до н. э.

³ См. В. В. Струве, ИАН СССР, сер. ИФ, III, № 3, стр. 236.

⁴ О другой причине этого странного на первый взгляд явления см. В. В. Струве, Родина зороастризма, стр. 21 сл.

ственно за восхвалением «наимудрейшего правителя» Вистаспы названы противники «Ашай» «благой судьбы» не только злейшие враги всех сторонников Заратуштры — «туранцы с быстрыми конями», но и «потомки Наотара», т. е. младшие Ахемениды. Намек на резню в Маргиане я нахожу и в Яшт 5, 28—29, где исчадие зла Аши-Дахака, сын Ахримана, приносит в стране «Баври», т. е. в Вавилоне, громадные жертвы ради того, чтобы все семь материков лишились своего населения. Вавилон же, как известно, был одной из столиц первых Ахеменидов, в том числе и Дария. Так покарала зороастрийская традиция Дария, сына Гистаспа, покровителя Заратуштры, за его суровую расправу с народным движением в Маргиане, первым движением, поставившим себе цели, указанные учением пророка.

Я пришел к концу моего исследования, посвященного истории того большого восстания, которое вспыхнуло в оазисе Мары в 522 г. во имя защиты древней племенной демократии против посягательства со стороны знати, как своей, так и мощной знати западного Ирана. Я пытался доказать, что Маргиана и соседние с ней среднеазиатские области были родиной зороастризма как социального учения, пронизанного определенными демократическими устремлениями. Если это мое положение является приемлемым, а оно, казалось бы, объясняет многие явления культурно-исторического порядка эпохи Дария I, то тем самым становится очевидной историческая действительность культуры наших среднеазиатских областей, и в первую очередь оазиса Мары, уже в период древности.

Я уверен, что культурно-историческое значение периода древности наших среднеазиатских республик предстанет во всей своей подлинной конкретности в результате работ ЮТАКЭ и других советских археологических экспедиций. Творческой работе ЮТАКЭ я посвящаю мое исследование, скромный дар советского историка советским археологам.

